

Из больших тигриных глаз Юн Линя потекли слёзы, а сам юноша, заливаясь багрянцем, рухнул на колени:

— Ваш сын заслуживает смерти! Разгневался до умопомрачения и нёс не пойми какой бред. Все слова были сказаны нечаянно, если матушка не верит, то Ваш сын сейчас же... сейчас же возьмёт кинжал, вырежет сердце и покажет матушке! — Действуя импульсивно, юноша вскочил на ноги и стал разыскивать кинжал, чтобы совершить задуманное.

Наложница Шу испугалась. Увидев, как сын действительно схватил золотой кинжал, женщина спешно подскочила и крепко сжала руку юноши:

— Юн Линь, прекрати!

Но принц упрямылся, на просьбу матери отказался отпускать кинжал и, стиснув зубы, спешно проговорил:

— Ваш сын отнёсся к Вам непочтительно, нёс полный бред, чем ранил сердце матушки. Если матушка не простит меня, то как мне жить тогда?

Наложница Шу чуть вновь не лишилась чувств из-за выходки своего младшего сына. Опасаясь, что Юн Линь действительно свершит задуманное, женщина вцепилась в его запястье, в котором был кинжал, и совершенно не собиралась его отпускать:

— Отпусти! Отдай его мне!

— Не отдам! — Хоть Юн Линь обладал огромной физической силой, однако не осмеливался идти напролом, лишь сжимая кинжал, кричал на онемевшую женщину: — От Вашего сына нет никакой пользы, он только и умеет, что создавать проблемы. Узнав, что вытворяет брат, я ничего не могу с этим поделать, лишь беспомощно смотрю. Могу ли я считаться сыном императора? Я просто-напросто черепаха! Чем таить обиду, которая может убить, и быть надоедливым ублюдком во дворце, лучше всего проткнуть себя кинжалом, вырезать из груди сердце и отдать его матушке!

Наложница Шу позеленела от ярости:

— Говоришь одно и то же, а на самом деле ты просто обезумел из-за Юн Ци и стал угрожать своей жизнью. Хорошо, если ты не хочешь жить, то сначала убей меня!

Сказав это, женщина так и не отпустила запястье Юн Линя, лишь повернулась всем телом, направляя короткое остриё кинжала себе в грудь.

Юн Линь сильно запаниковал и, спешно выпустив кинжал из рук, сразу же обнял наложницу Шу:

— Матушка! Что Вы делаете?

— Матушка подарила тебе жизнь, а если ты жить не хочешь, то и матушке тем более незачем!
— Лицо наложницы Шу густо покраснело: — В этом дворце я отведала много горечи и не боюсь смерти. Единственное, чего я боюсь, — раздоров между вами, моими детьми. Вы не живёте в мире, постоянно хотите уничтожить друг друга. И неважно, кто победит, а кто проиграет, матушке лучше умереть. Кто бы мог подумать, что ты станешь пренебрегать всем, кроме какого-то Юн Ци. Если это действительно так, то мне лучше покончить с собой, чтобы не страдать от двух непочтительных детей! — Кинжала больше не было, и женщина, прилагая все усилия, захотела удариться головой об угол стола.

Юн Линь был зол, однако у него и в мыслях не было сводить счёты с жизнью. Он и подумать не мог, что доведёт до такого свою матушку. Переполюнявивший душу гнев улетучился, и юноша, держа женщину в объятиях и боясь разжать руки, умоляюще заговорил:

— Матушка, этого... этого делать ни в коем случае нельзя, ведь я... я лишь на мгновение потерял рассудок и сгоряча сказал ужасные вещи... Ударьте меня! Вам всего-то нужно ударить родного сына!

Наложница Шу, которая действительно собиралась покончить с собой, сейчас смягчилась, а её сердце наполнилось любовью. Взгляд влажных от слёз глаз упал на Юн Линя и, увидев его потное лицо, женщина тут же остановилась. Поплакав какое-то время, наложница Шу немного успокоилась и мягким тоном, со вздохом прошептала:

— Глупыш, зачем матушке бить тебя? Ударили сына, а у матери сердце болит [1]. Никогда такого не слышал?

— Верно, верно... но всё... всё равно... Ваш сын плохой. — Наконец-то осмелившись ослабить объятия, Юн Линь бережно помог матушке опуститься на край кровати, сам сел рядом и положил голову на колени наложницы Шу.

Женщина удручённо посмотрела на сына. В душе она понимала, о чём думает Юн Линь. Помолчав какое-то время, наложница Шу первой прервала тишину:

— Ты уже взрослый и должен понимать боль матушки. У неё вся тыльная сторона ладони и где порезалась — всё болит. Ради Юн Шаня не стоит тревожить твоего отца-императора по поводу Юн Ци, однако... Матушка не может не вмешаться.

Юн Линь изумлённо поднял голову:

— Матушка, Вы согласны взять на себя инициативу ради старшего брата Юн Ци? И не станете снисходительно относиться к Юн Шаню?

Наложница Шу со вздохом произнесла:

— Проявлять снисхождение к родному сыну тоже нужно по совести. Юн Ци хоть и является первенцем наложницы Ли, тем не менее он очень болезненный ребёнок. За все проведённые годы во дворце он никогда не создавал нам трудностей. Можно ли терпеливо смотреть на такое отношение Юн Шаня к нему? К тому же Юн Шань и Юн Ци как-никак братья, даже Владыка Неба порицает такое.

Юн Линь, ни с того ни с сего получивший огромную поддержку, удивился и в то же время обрадовался. Тотчас же позабыв про то, что стоит на коленях с повинной головой, юноша вскочил на ноги и спешно воскликнул:

— Здорово, тогда мы не будем тревожить отца-императора по этому поводу. Раз уж матушка не на стороне Юн Шаня, то в сердце Вашего сына растёт уверенность. Дело не терпит отлагательств, прошу матушку сейчас же отправиться во дворец наследного принца и забрать к себе старшего брата Юн Ци. Полагаю, что тогда мой бесстыжий старший брат не осмелится больше принуждать его.

Однако наложница Шу не проронила ни слова. Взмахнув рукавом, женщина убрала руку сына и всё также оставалась неподвижной.

Юн Линь с изумлением проговорил:

— Как? Неужели матушка так сказала, чтобы только одурачить меня потехи ради?

Наложница Шу спокойно и хладнокровно спросила:

— Юн Линь, ты пришёл, поднял такой шум разве не для того, чтобы увезти Юн Ци обратно?

— Да-а.

— Тебе удалось увидеться с Юн Ци?

— Удалось.

— Ты сказал, что хочешь забрать его?

— Конечно, сказал.

— В таком случае он согласился поехать с тобой?

Юн Линь внезапно онемел, его плечи опустились, и юноша тихо проговорил:

— Не согласился.

Принц тотчас же насупил брови, сто раз всё обдумав, в конце непонимающе проговорил:

— У Вашего сына тоже в голове не укладывается, почему старший брат не согласился поехать вместе со мной. Он совершенно не корыстный человек, за это я смело могу ручаться. Однако... однако почему же он тогда не согласился уехать со мной?

— Ему дали лекарство.

— Что? — Юн Линь насторожился. — Дали лекарство?

— Верно. — Наложница Шу посмотрела на стоящую поодаль ширму так, словно её взгляд мог проникнуть сквозь неё и увидеть, что происходит во дворце наследного принца. Женщина тихо проговорила: — Об этом матушке лучше известно, чем тебе, только никому ни слова. Вот что мне удалось тайно выяснить: чтобы Юн Ци покорился, ему каждый день в пищу специально подмешивают лекарство. Это не только любовный напиток, но и яд, который отнимает все силы. Вполне возможно, что это лекарство используют для того, чтобы обездвигить Юн Ци, и тот не осмелился бежать. Если не избавиться от эффекта этого лекарства, Юн Ци из-за слабости не сможет сбежать, даже если ему очень захочется.

Как бы то ни было, Юн Линь всё понял, и на его шее вздулась вена:

— Бесстыжий! Неудивительно, что старший брат Юн Ци выворачивался и со слезами на глазах отклонил моё предложение. Юн Шань этот... — Юноша вновь хотел обругать брата, но, подумав о матушке, ему ничего не оставалось, как сдержать гнев и возмущённо выдохнуть: — Оказывается, вот каким человеком является мой брат! Ох! — Юн Линь спешно взглянул на женщину: — Раз уж матушке это известно, то нельзя оставлять всё как есть.

После долгого молчания наложница Шу беспомощно покачала головой:

— Я ничего не смогу сделать.

Юн Линь не находил себе места:

— Что значит — ничего не сможете сделать? Матушка, матушка! Вы не можете оставить всё как есть! В конце концов, я войду во дворец наследного принца и заберу оттуда старшего брата Юн Ци. Я избавлю его от порочного лекарства, которое ему подмешивают каждый день в еду.

Громко приказав сыну успокоиться, наложница Шу затем сказала:

— Если хочешь забрать Юн Ци, то в первую очередь нужно вывести лекарство из его тела. Иначе, даже если ты силой заберёшь его, то лекарство станет ядом, и тогда Юн Ци сам приползёт к Юн Шаню.

— И так плохо, и так не хорошо. Я до смерти переживаю! — занервничал Юн Линь. — Кто знает, что это за лекарство? Кто знает, как его вывести? Если его действие за сутки не пройдёт, в таком случае Юн...

— Я знаю.

Повисло короткое молчание.

— Старший брат Юн Ци собирался целый день... Да? Матушка, Вы правы... — Юн Линь, поздно спохватившись, остолбенел.

— Я знаю, как вывести это лекарство, — успокоила его наложница Шу. — Недавно я выяснила, кто от лица Юн Шаня приказал его приготовить. Двигаясь по плети, мне удалось добраться до самой тыквы [2] и поймать того, кто прописал это снадобье. Я допросила этого человека, и, естественно, он знает, как устранить действие, только...

Стоило Юн Линю услышать ключевые слова, как он немедленно спросил:

— Только что?

— Только, несмотря на то, что рецепт уже написан, приготовить противоядие сложно. Как можно позволить Юн Ци принять его?

Юн Линь расслабился:

— Матушку всё ещё что-то тревожит? Его сложно сделать? В таком случае я сейчас же заберу старшего брата Юн Ци, а после, приготовив противоядие, дам ему выпить, и он поправится.

Наложница Шу прямо посмотрела на сына:

— Ты сегодня уже достаточно поднял шума, и сейчас снова хочешь пойти туда, чтобы забрать старшего брата. Если это долетит до ушей императора, сможет ли тогда Его Величество проигнорировать подобное? Дело касается жизни твоего старшего брата! Если так, то я лучше умру и не отдам тебе рецепт.

Юн Линь вновь стал раздражённым и начал изливать гнев:

— Это... это промедление разве не убьёт его? Мы ходим кругами, и я до сих пор не придумал, как спасти старшего брата Юн Ци!

— Ты, конечно же, сможешь спасти Юн Ци, — сказала наложница Шу решительно и бесповоротно. — Но если не будешь следовать плану матушки, ты не спасёшь его, а лишь навредишь своему старшему брату.

Юн Линь готов был искать любой выход из создавшейся ситуации, где бы тот ни оказался. Спешно подняв голову, юноша проговорил:

— Скорее говорите, матушка, лишь бы это помогло спасти старшего брата Юн Ци. Если бы старший брат Юн Шань, глаза бы мои его не видели, не обижал Юн Ци, то мы бы с ним не поссорились. Как после всего случившегося я могу надеяться, что старший брат будет рад меня видеть?

— Для начала найди удобный момент и скажи Юн Шаню, что был неправ.

— А? Я? Был неправ?

— Когда напряжение между вами, братьями, немного спадёт, ты снова найдёшь лазейку и, тайком встретившись с Юн Ци, передашь ему рецепт.

Юн Линь с изумлением спросил:

— Зачем отдавать рецепт? Я приготовлю противоядие, принесу и скажу, что это за снадобье, затем дам выпить, и он тотчас же поправится. Если старший брат Юн Ци захочет избавиться от действия лекарства, то непременно согласится.

Наложница Шу поглядела на своего непонятливого сына:

— Юн Ци на данный момент, в сравнении с жестяным ведром, крайне непреклонен. Если ты сейчас принесёшь противоядие, сможешь ли поднести его ко рту Юн Ци? Если оставишь на столе — слуги во дворце наследного принца могут перехватить. Успокойся, будет лучше, если ты возьмёшь рецепт и отдашь Юн Ци, а если он захочет, то, конечно, найдёт методы раздобыть противоядие и выпить его. Как только лекарство будет выведено из его тела, я лично приеду и под каким-нибудь предлогом заберу его сюда. На глазах у всех слуг я лично приглашу его к себе, и если Юн Ци захочет покинуть дворец наследного принца, то Юн Шань не сможет нас задержать, как бы ему этого не хотелось.

Юн Линь захлопал в ладоши:

— Верно! Самое страшное — если мы сейчас нанесём визит во дворец наследного принца и заберём старшего брата Юн Ци, помогая ему избежать смерти и доводя Юн Шаня до белого

каления. Как только действие лекарства прекратится, старший брат Юн Ци скажет, что хочет покинуть дворец. К тому же одно слово матушки, и охрана дворца будет вынуждена нас пропустить без каких-либо возражений. Отец-император ничего не узнает, и таким образом никто не пострадает. А матушкин план всё же хорош.

Наложница Шу, ласково обращаясь к сыну, с улыбкой произнесла:

— Ты действительно глупыш, не подумал, что матушка с юных лет находится в этом дворце. Разве такая мелочь разве может её смутить? В таком случае вот этот рецепт, отнеси его. — И женщина вынула из рукава записку, написанную придворным лекарем.

Юн Линь взял её и раскрыл. Юноша увидел, что там написан рецепт обычного лекарства, и все его сомнения, что охватывали душу, улетучились. Обнажив белоснежные зубы, юноша радостно проговорил:

— Если бы матушка не рассказала, что это противоядие, я бы посчитал его обычным лекарством. Эти сложные снадобья даже без предписания лекаря безвредны. Ненавижу притворяться, но на этот раз ради спасения старшего брата Юн Ци...

Немного поразмыслив и показав едва заметную решительность, Юн Линь уверенно произнёс:

— Хорошо, я притворюсь и скажу, что хочу помириться с Юн Шанем.

Плотно сжав губы, юноша держал запачканную тушью бумагу, запоминая дозировку каждого ингредиента.

Во дворце наследного принца даже не догадывались, что задумали наложница Шу и Юн Линь.

Никто и не ожидал, что в тот момент, когда Юн Линь устраивал скандал среди бела дня, его старший брат был ослеплён любовью. Юн Ци без колебаний прижимал Юн Шаня к груди, словно юноша был спрятанным в земле кувшином с терпким вином, который слегка откупорили, позволяя аромату вырваться через маленькое горлышко и наполнить воздух этого огромного дворца.

Примечание:

[1] Образно о родительской любви.

[2] Китайская идиома, означающая: ухватившись за путеводную нить, добраться до главного.